

Прагматическая категория лица в теории личных имен

Максим Анисимович Кронгауз, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, Москва), mkronhaus@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170028364-9

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье обосновывается введение прагматической категории лица для описания функционирования личных имен. К первому лицу относится самопредставление, ко второму — обращение, к третьему — все прочие употребления, которые условно обозначаются как референтные. Лицом называется определенная прагматическая позиция в высказывании, связанная с говорящим, адресатом или с чем-то/кем-то, не являющимся ни тем, ни другим.

В статье отмечается, что именно второе лицо (обращение) может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для первого и третьего лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Андрюшечка*, *Сашуленька*, *Верунчик* и т. п.

Выделенность второго лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать. Варианты, тяготеющие к использованию исключительно во втором лице, следует отнести к разговорной речи.

Таким образом, использование категории лица для личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, прагматика, лицо, личные имена, обращение, самопредставление, полная форма, краткая форма, уменьшительная форма
для цитирования: Кронгауз М. А. Прагматическая категория лица в теории личных имен // Русская речь. 2023. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170028364-9.

Issues of Modern Russian Language

Pragmatic Category of Person in the Theory of Personal Names

Maxim A. Krongauz, National Research University "Higher School of Economics" (Russia, Moscow),
mkronhaus@yandex.ru

ABSTRACT: The article substantiates the introduction of pragmatic category of person to describe the functioning of personal names. The first person is used for self-representation, the second person for addressing, whereas the third one is connected to all other uses, which are conventionally designated as referential. The category of person is a certain pragmatic position in an utterance associated with a speaker, an addressee, or with something / someone that is neither one nor the other.

The article proposes that it is the second person (addressing) that can be considered a strong position in which the maximum set of options is possible. There are certain restrictions for the first and third person, for example, it is not recommended to use affectionate and other emotional variants of names: *Andryushechka, Sashulenska, Verunchik, etc.*

The emphasis on the second person is explained by the fact that addressing is a communicative point at which relations are established between the interlocutors: the speaker offers them, and the addressee can correct them. Options that tend to be used exclusively in the second person should be classified as colloquial speech. Thus, the use of the category of person for personal names makes it possible to conveniently formulate the rules for choosing a variant of a name, along with a meaningful interpretation.

KEYWORDS: Russian language, pragmatics, category of person, personal names, addressing, self-representation, full form, short form, diminutive form

FOR CITATION: Krongauz M. A. Pragmatic Category of Person in the Theory of Personal Names. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 5. Pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013161170028364-9.

В настоящей статье обосновывается введение прагматической категории лица для описания функционирования личных имен. Для этого вначале кратко описываются понятие личного имени и его важнейшие характеристики, а также категория лица.

Личные имена

Личные имена представляют собой особую лексическую категорию, которую можно выделить следующим способом: личные имена — это особый тип антропонимов, а антропонимы, в свою очередь, особый тип имен собственных. Таким образом, исходным в данной цепочке оказывается имя собственное, то есть слово (имя существительное) или словосочетание (именная группа), которое называет и идентифицирует уникальный объект, выделяя его из ряда подобных. Среди собственных имен особое место занимают антропонимы, то есть собственные имена людей. Это означает, что они называют и идентифицируют конкретного человека или группу людей. Среди антропонимов различаются личные имена, выделяющие конкретного человека, фамилии, отчества, прозвища и другие. Вот как определяются эти понятия в энциклопедиях.

Антропонимы:

«Собственные именованья людей: имена личные, патронимы (отчества или иные именованья по отцу), фамилии, родовые имена, прозвища и псевдонимы (индивидуальные или групповые), криптонимы (скрываемые имена)» [ЛЭС, антропонимика: 36];

«Единое имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной» [Википедия]¹.

Личные имена:

«Социолингвистическая единица, разновидность имени собственного, один из главных персональных языковых идентификаторов человека или какого-либо одушевленного существа²» [Википедия].

В русском языке личные имена представляют собой особую лексическую группу, имеющую ряд специфических характеристик. Во-первых, они, как правило, однословны: это существительные с рядом специфических свойств³. Так, на уровне морфологии можно говорить о характерном для имен на *-а* или *-я* особом факультативном звательном падеже: *Маш, Тань, Серёж, Петь*.

Во-вторых, нужно отметить у многих, особенно распространенных, имен большое количество вариантов. С некоторой долей условности это можно было бы назвать богатым словообразованием. Условность заключается в том,

¹ Обращение к интернету и здесь, и во всех остальных случаях — 15 августа 2023 года.

² В настоящей статье рассматриваются личные имена исключительно человека.

³ Встречается и другое понимание личных имен. Так, в интернет-энциклопедии «Кругосвет» личным именем считается сочетание имени и отчества, имени и фамилии, имени и прозвища (статья «Антропонимика»).

что ряд приемов уникален именно для этой области и вряд ли может быть отнесен к стандартному словообразованию, например усечение начальных гласных или согласных: *Лёша* от *Алёша* или *Вета* от *Света*. И уж совсем странно считать единицами того же словообразовательного гнезда иностранные имена, генетически родственные русским: *Мэри* или *Мари* для *Мария*. Кроме того, рассматривается не все словообразовательное гнездо, а лишь существительные, способные в определенном контексте заменять друг друга. Если в случае словообразования имен нарицательных мы уверенно говорим о разных словах: *дом*, *домик*, *домишко*, *домище* и т. п., — то для личных имен, скорее, используется термин варианты или даже формы имени:

Это один из многочисленных народных разговорных вариантов православного имени Софрон, церковная форма Софроний (А. В. Суперанская. И истории фамилий // Наука и жизнь. 2009);

Вероятно, уже из «Маши» песня была переименована в «Мурку». Почему это произошло, разные источники объясняют по-разному. Одни высказывают мнение, что имя Мура более привычно для уголовного мира — здесь оно пользуется большой популярностью и часто звучит в блатных песнях, а потому именно Мурка вытеснила все остальные варианты имени героини произведения (В. Разгульнов. «Эх, Мурка, ты мой Муреночек...» // Криминальный отдел. 2011);

Муж называет меня «радость моя», «дизик — #» (он у меня программист — это откладывает отпечаток на всё:)). Редко по имени (когда зовет из другой комнаты или пытается достучаться до моего воспаленного гневом мозга :), а часто... никак. Мы почти всё время рядом, а потому нет надобности в отдельном обращении. Я его называю всеми уменьшительно-ласкательными вариантами его имени (Женщина + мужчина: Психология любви (форум). 2004);

Для наглядности приведем еще несколько иллюстраций, где можно видеть разнообразные сочетания описанных выше механизмов сопоставления: «Рюрик — это просто другая форма старого русского имени Гюргий, т. е. Георгий — Юрий» [НХ 1: 196]; Хан Хулагу — «это снова имя Георгий — Гургу, видимо, весьма распространенное среди потомков Чингиз-Хана Георгия» [НХ 1: 224] (А. А. Зализняк. Лингвистика по А. Т. Фоменко // Вопросы языкознания. 2000);

В святцах есть Артёма, апостол из числа семидесяти учеников Иисуса Христа, и три Артемия, один из них великомученик, — анализирует Супрун. — От обоих имен образовывалась народная форма Артём, которая звучала вполне благозвучно, но в число часто встречающихся не входила. Похоже, взлет популярности этого имени связан именно с тем, что раньше оно никогда не было модным и от него образуется благозвучная краткая форма Тёма (Т. Арефьева, И. Петровский. Имена России. Как правильно назвать своего ребенка // Русский репортер. № 4 (132). 4–11 февраля 2010);

Ей по праву досталась полная и официальная форма ее имени — Мария, и никому из ее ближайших родственников, включая родителей и сестер, даже в голову не приходило назвать ее Машей, и уж тем более Машенькой (А. Геласимов. Дом на Озерной. 2009).

Важным следствием сказанного оказывается помещение всех вариантов имени в одну словарную статью в словарях личных имен: [Петровский 1984], [Суперанская 1998]⁴.

На семантическом уровне можно говорить об отсутствии значения у личных имен. Точнее говоря, личному имени не соответствует никакое постоянное свойство, характеризующее их носителей. По-видимому, к прагматике следует отнести различие воплощенных и невоплощенных имен, а также характерную для воплощенных личных имен в тексте определенность (своего рода скрытый определенный артикль) ([Кронгауз 1987], [Шмелев 1996]).

Для настоящего исследования важна прежде всего вариативность и системность личных имен, именно на этом я остановлюсь подробнее. Традиционно входом в словарную статью в словарях личных имен является так называемое полное имя (как правило, оно указывается в паспорте и называется паспортным). В работах [Суперанская 2001], [Суслова, Суперанская, 1991] наряду с полной предлагалось выделять краткую, или сокращенную, форму, а все остальные объединять под названием уменьшительных. А. В. Суперанская предлагает уменьшительным формам разнообразные стилистические характеристики: ласкательная, фамильярная, поддразнивающая, пренебрежительная, презрительная и т. п. [Суперанская 1969].

А. Вежбицкая [Вежбицкая 1996: 111–112] пишет о том, что в русском языке есть два типа полных имен: маркированные (Константин, Николай, Наталья или Евгения) и немаркированные (Андрей, Игорь, Вера, Нина). Для маркированных полных имен существуют немаркированные краткие формы: Константин vs Костя, Николай vs Коля, Наталья vs Наташа, Евгения vs Женя. Кроме того, у имени есть много экспрессивных форм: «Например, исследование русской разговорной речи в городе Пензе и его окрестностях (Бондалетов, Данилина 1970) показало, что там используется не менее 80 различных экспрессивных суффиксов, каждый из которых имеет свое собственное прагматическое значение. В литературном языке число общеупотребительных форм личных имен, вероятно, ближе к двадцати» [Вежбицкая 1996: 107]. А. Вежбицкая критикует попытку приписать каждой экспрессивной форме свое особое значение: «... переводить десятки экспрессивных категорий в описательные прилагательные типа “ласкательный” или “поддразнивающий” — занятие безнадежное и неблагодарное» [Вежбицкая 1996: 107]. Она полагает, что «выбор может в большей степени зависеть от ситуационного настроения говорящего и от особого отношения, которое он хочет выразить именно в этот момент, чем от каких-то постоянных жестких соглашений (как это обычно бывает в английском)» [Вежбицкая 1996: 107].

Независимо от подхода следует различать три типа форм: полные, краткие и уменьшительные (которые могут быть образованы и от кратких, и от полных форм, например, *Петруха* и *Петюня*). Краткие формы немаркированы, то есть

⁴ Для вариантов могут быть предусмотрены ссылочные статьи, например: *Алёша* рус. сокр. к *Алексей* [Суперанская 1998: 28]

нейтральны. Уменьшительные формы почти всегда маркированы, то есть выражают особую эмоцию или особое отношение к обладателю имени. У некоторых имен нет кратких форм, и соответствующую функцию выполняют полные формы. Наконец, надо отметить, что в XXI веке произошла перестройка употребления личных имен, что выразилось в экспансии полных форм и сокращении употребления кратких [Кронгауз, Пиперски, Тиллабаева 2020]. В заключение можно привести неполные списки вариантов конкретных личных имен⁵.

- Полное имя:
Мария (var. *Марья*)
- Краткие имена:
Машиа, Маруся
- Уменьшительные имена:
Машка, Машута, Машенька, Машечка, Машок, Машутка, Машочек, Маня, Маняша, Манька, Манечка, Манюша, Манёк, Манефа, Маруська, Марусечка, Марусенька, Марьюшка, Марьюшечка, Мэри (иноязычн. аналог), *Мари* (иноязычн. аналог)...
- Связанные имена:
Марь Ванна (с отчеством)
- Полное имя:
Нина
- Уменьшительные имена:
Нинка, Ниночка, Нинуля, Нинок, Нинон (иноязычн. аналог), *Нино* (иноязычн. аналог)
- Связанные имена:
Нин Ванна (с отчеством)
- Полное имя:
Александр
- Краткие имена:
Саша, Шура
- Уменьшительные имена и пр.:
Саня, Санька, Санёк, Санечка, Сашок, Сашка, Сашуля, Сашечка, Сашуня, Шурик, Шурка, Шурочка, Алик, Аличек, Алька, Алечка, Алешок, Алюнчик, Алексашка, Лександр, Алекс (иноязычн. аналог), *Сандро* (иноязычн. аналог), *Сандрик*...
- Связанные имена:
Сан Саныч (только с этим отчеством)
- Полное имя
Андрей
- Уменьшительные имена
Андрейка, Андрейчик, Андрюша, Андрюха, Андрюшка, Андрон (иноязычн. аналог), *Дрюня, Дрюша, Дюша*...

⁵ В описание добавлена категория связанных имен, которые используются только вместе с отчеством (иногда конкретным).

Категория лица

Категория лица используется во многих языках, и в русском в том числе, как грамматическая категория глагола, а также как прагматическая категория, характеризующая личные местоимения. Выделенные местоимения первого и второго лица употребляются для обозначения участников речевой ситуации.

Вот как определяет категорию лица и ее значения О. Есперсен [Есперсен 1958: 247]: «Таким образом, подлинное противопоставление будет следующее: (1) лицо говорящее, (2) лицо, к которому обращена речь, и (3) лицо, которое не является ни говорящим, ни адресатом речи. В первом лице говорят о себе, во втором — о лице, к которому обращена речь, а в третьем — о том, кто не является ни тем, ни другим». Это определение стало классическим.

По существу, оно же используется для лица глагола в [Русская грамматика 1980: 636]: «Морфологическая категория лица — это система противопоставленных друг другу рядов форм, выражающих отнесенность или неотнесенность действия к участникам речевого акта. Формы лица выражают отнесенность действия к говорящему (формы 1 лица), к собеседнику (формы 2 лица) или к лицу, которое не является ни говорящим, ни собеседником, а также к неодушевленному предмету (формы 3 лица)». Существенно, что формы 1 и 2 лица принципиально отличаются от 3-го: «Формы 1 и 2 л. как выражающие отнесенность действия к участникам речевого акта противопоставлены формам 3 л. как не выражающим такой отнесенности» [Там же].

О местоимениях же в [Русская грамматика 1980: 531] написано, что «личные местоимения делятся на местоимения первого лица — *я, мы*; местоимения второго лица — *ты, вы* и местоимения третьего лица — *он (она, оно, они)*», а также, что местоимение *я* указывает на лицо говорящее, а местоимение *ты* указывает на лицо, к которому обращается говорящий, т. е. на собеседника.

О. Есперсен противопоставляет грамматическое и понятийное лицо, говоря о том, что существуют заменители стандартного выражения понятийного лица [Есперсен 1958: 252–254]. Так, влюбленный может сказать «моя дорогая» или «моя девочка» вместо «вы» (*my darling, my own girl*), то есть формальное 3-е лицо соответствует понятийному 2-му.

Эту идею можно развить следующим образом. Существуют и вполне регулярные неместоименные способы обозначения участников речевой ситуации, в частности с помощью имен собственных. Это происходит, когда люди знакомятся и представляются, а также когда собеседники обращаются друг к другу. В дальнейшем предлагается различать употребления личных имен трех типов, соответствующих трем значениям категории лица. Таким образом, самопредставление относится к первому лицу, обращение — ко второму, а все прочие употребления — к третьему. Последний тип я буду называть референтным употреблением.

Первое лицо: самопредставление

Здравствуйте, (я —) Андрей Петров.

Второе лицо: обращение

Андрей, ты сдал экзамен?

Третье лицо: название (референтное употребление)

Андрей сегодня сдал экзамен.

Таким образом, здесь лицом называется определенная прагматическая позиция в высказывании, связанная с говорящим, адресатом или с кем-то/кем-то, не являющимся ни тем, ни другим. Для личных имен выделение трех таких позиций оправдано следующими соображениями. Во-первых, личные имена используются во всех трех позициях, но, во-вторых, выбор варианта/формы во многом обусловлен позицией.

Так, обращение может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов.

В позиции обращения могут использоваться ласкательные, фамильярные и вообще любые эмоционально маркированные имена. Строго говоря, для обращения (второго лица) нет никаких общих ограничений, то есть в этой позиции может быть использован любой вариант имени.

Ограничения связаны с конкретными речевыми ситуациями, когда необходим учет адресата и отношений с ним. Например, нельзя обратиться *Машка* или *Машенька*, *Петька* или *Петенька* к малознакомому человеку, а при обращении к собственному ребенку или близкому другу едва ли уместно использовать полные маркированные имена *Елизавета* или *Константин*, хотя, как уже сказано выше, в последние десятилетия зона употребления полных имен стала значительно шире [Кронгауз, Пиперски, Тиллабаева 2020].

В подтверждение сказанного приведу пост Дмитрия Владимировича Сичинавы в социальных сетях (11.12.2013): «...что имя Света, помимо обычного “Свет”, имеет словообразовательный звательный падеж: “Светик”. Так обращаются (кроме, может быть, каких-то совсем рафинированных кругов, которые “бесит”) совершенно стандартно практически ко всем, кого зовут Светой (и крайне редко так их называют в третьем лице). Подобная “мужская” языковая игра есть и с рядом других имен (Ленок, Натусик и т. п.), но они и близко так не рутинны и общеприняты при обращении. Видимо, подхвачено и переосмыслено нарицательное обращение (которое “спой, не стыдись”»).

Высказывание в социальных сетях не должно быть в полной мере научным, поэтому нет смысла вступать в научную дискуссию и оспаривать утверждение о Светике как звательном падеже. Скорее можно поддержать идею, что формы типа *Светик*, *Ленок*, *Натусик* тяготеют к позиции второго лица и крайне редко используются в других позициях.

Представляясь, говорящий, как правило, использует тот вариант, который предпочитает в качестве обращения по отношению к себе. Однако здесь присутствуют сильные ограничения на любые эмоционально маркированные формы. Понятно, что прагматические запреты не являются абсолютными,

но их нарушение влечет за собой определенный эффект, в частности, создает специфическое представление о нарушителе.

Самопредставление с помощью экспрессивных форм *Петюньчик* или *Машуленька* крайне маловероятно, но если такое все-таки происходит, то это имеет прагматические последствия, если речь идет о взрослом человеке. Под последствиями имеется в виду формирование мнения об этом человеке. Само это мнение может быть довольно разнообразным. Можно заподозрить представляющегося в инфантильности, манерности или в желании слишком быстрого перехода к близким отношениям и т. п. Такое самопредставление встречается в молодежной среде, что, по-видимому, должно свидетельствовать о раскованности и отсутствии комплексов. Использование экспрессивного варианта имени на личной странице, что может быть приравнено к самопредставлению, характерно и для социальных сетей: Дашулечка Волкова, Машунька Спирина, Танюлька Филиппова, Мишаня Иванов (возраст при этом может быть самым разным). Употребление таких имен всегда создает «странный» эффект, особенно в сочетании с фамилией.

Выбор конкретного эффекта зависит от многих факторов, но в любом случае какой-то необычный эффект будет иметь место. Вероятность выбора той или иной формы может различаться. Так, самопредставление с помощью формы *Вадик* намного вероятнее, чем с помощью более эмоционально нагруженной формы *Вадичка*.

Выделенность участников коммуникации в случае первых двух лиц достигается с помощью особенностей ситуации (протянутая рука, кивок, взгляд) или речевых конструкций (обращение как позиция).

В случае третьего лица используются более или менее нейтральная номинация. Однако вариативность больше, чем при самопредставлении. Говорящий может использовать в качестве референтного употребления форму обращения. Приведу статистику по упомянутым выше экспрессивным формам.

Так, в основном корпусе Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) встретились следующие экспрессивные формы личных имен: *Светик*, *Натусик*, *Ленок*, *Лизок*, *Танюша*, *Машуленька*.

Форма *Натусик* встретила 11 раз в 5 текстах, из них 8 раз во втором лице. 2 раза связаны с неудачным самопредставлением:

[Наталья (жен, 50, 1953, искусствовед)] Чудесно, Эдик! [Голос] — Да? А Ваше имя позвольте узнать? [Наталья (жен, 50, 1953, искусствовед)] — А меня зовут... **Натусик**. [Голос] — Хи-хи-хи... Как интересно... Прямо сразу — **Натусик**? — Но Вы ведь тоже не Эдуард! (И. Лисовская. Никогда я не буду любить... 2003).

И лишь один пример связан с референтным употреблением:

Натусик то и дело всплескивает ручонками: «Как красиво! как вкусно!» (В. Старков. Дневник. 1963–1964).

Так же и для остальных форм: очевидно тяготение ко 2-му лицу, но встречаются тексты, где экспрессивная форма регулярно используется в 3-м лице:

*В этот момент она призналась себе, что пришла сюда именно ради этих слов. — Очень изменился, — продолжила Катя, поддерживая начатую игру. — То есть выглядит отлично, но какую они с папашкой моим хрень несут — это просто жест. Да, кстати, — вдруг вспомнила она, — **Стильный Ленок** собирался тебе звонить. Грит, что-то важное. **Стильный Ленок** была яркой блондинкой за тридцать и отвечала в упомянутом медиа-холдинге за освещение светской жизни; В обществе **Стильного Ленка** — девушки тогда уже бескомпромиссной, неустанно работающей на свое доброе имя, — они собрались было к губернатору, но **Ленок** умудрилась приглашения потерять, и сделала это, конечно же, стильно — по ошибке выбросила в мусоропровод (А. А. Уткин. Дорога в снегопад. 2008–2010).*

В этом произведении форма *Ленок* встречается 17 раз, иногда в сочетании с прилагательным *стильный* в мужском роде, что усиливает стилистический эффект. Это воспринимается как устойчивое прозвище, полученное по первому упоминанию, в котором даже глагол согласуется по мужскому роду.

*Нет, не понять, где чьи тут слова, взаимопроникшие, двойного, видимо, авторства. Опять **Лизок** не мимо меня пописала. Так она мной пописала росчерком одним вдохновенным, превратив меня в горстку малую совершенно пеленочных слов? (В. Володин. Повесть временных лет).*

В этом произведении форма *Лизок* упоминается 12 раз. Так автор называет свою дочь-младенца, иногда каламбурно сталкивая ее имя с существительным *лизок*:

***Лизок** прибавила в этом году Россию не на один **лизок**, нет, — на целое поколение и на целую мою потерявшуюся было, избегнувшую меня так разорительно страшно любовь (В. Володин. Повесть временных лет).*

В этих произведениях используется последовательная коммуникативная стратегия. Автор использует экспрессивную форму имени в третьем лице, чтобы выразить либо свое отношение к персонажу, либо отношение круга его знакомых.

Пример другой коммуникативной стратегии представлен в статье в журнале «Столица», где форма *Светик* 10 раз встречается в 3-м лице:

*— Из школы еще не пришла. Учится. Мы, конечно, несколько перенервничали, но следующие звонки успокоили нас. Довольно быстро образовался предварительный список из шестнадцати взрослых и вполне сознательных граждан, которые просили называть их так: Володя, Саша, Лизок, Мисыч, Майк, Вован, Сережка, Леха, Антоха, Стас, **Светик**, просто Андрей, Бурдыкин, Алекс, Тата и Санек; Только участница под #16, сотрудница банка Светлана Бондаренко (**Светик**), женщина, напоминающая храм Христа Спасителя, заявила, что не сомневается в своей победе; **Светик** неистовствовала, но не забывала давать интервью и договариваться о встрече; **Светик***

своим мощным дзюдоистским голосом погубила лирическую интонацию бессмертного произведения “Под крылом самолета о чем-то поет зеленое море тайги”» (Счастье средней тяжести // Столица. 24.11.1997).

Объяснение выбора формы содержится в первом примере: участники конкурса просили называть их именно так, — то есть выбор основывается на самопредставлении, комичном еще и потому, что форма *Светик* мало подходит для женщины, дзюдоистки и великаныши.

В обычном разговоре говорящий, выбирая форму имени в третьем лице, может выбирать настройки: на себя и на собеседника, то есть использовать потенциальное обращение. Так, в разговоре с чужим человеком можно называть своего уже выросшего ребенка ласкательной формой имени, т. е. так, как собеседник не должен обращаться к нему, а можно, наоборот, использовать полное имя с отчеством, то есть как бы рекомендуя собеседнику «правильное» обращение. По-видимому, широкое использование домашнего имени в референтной позиции может способствовать его выходу за пределы семейной коммуникации.

В процедуре настройки могут учитываться не только говорящий и адресат, но и слушающие, то есть люди, присутствующие при разговоре, но не являющиеся непосредственными адресатами высказывания. В принципе, говорящий при выборе варианта имени может исходить и из их присутствия и настраиваться на них (о противопоставлении адресата и слушающих см. [Clark, Carlson 1982]).

Также уменьшительная форма в референтной позиции может использоваться в некоторых сообществах (включая семью) для различения людей с одинаковыми именами, например, в одной лингвистической семье жена называет мужа *Алёша*, а сына *Алешок*. В дружеской компании могут различаться *Ира* и *Иришка*, *Саша* и *Санька*.

В художественной литературе автор также может выбирать настройки, то есть выбирать референтное имя как бы от лица персонажа:

Время от времени наш постаревший и обрюзгший герой будет уходить в запой и тогда его любимые Любаша и Анютка, худенькие, бледные девочки с большими глазами, будут забирать у него графин и говорить умоляюще: «Не надо, папочка...» (М. Б. Бару. «Не пишется проза, не пишется»).

Происходит своего рода прагматический сдвиг, замена форм, характерных для третьего лица, формами, характерными для второго, при этом с разных позиций. Такой прагматический сдвиг близок понятию «эмпатия», которое использовал С. Куно для характеристики идентификации говорящего с участником излагаемого события [Куно 1976], [Куно, Кабураки 1979]. Речь идет о способности взглянуть на мир глазами другого человека и отражении этой способности в языке.

Итак, стратегии выбора формы имени в 3-м лице могут основываться на своеобразной цитации 1-го и 2-го лица, то есть форм, которые употребляет по отношению к человеку его окружение (включая или исключая говорящего),

либо предлагает использовать он сам. Это можно считать прагматическим сдвигом. В обоих случаях экспрессивная форма оказывается дополнительной характеристикой персонажа. В целом же можно сказать, что в 3-м лице используется либо нейтральная форма, либо экспрессивная форма, обычно используемая в качестве обращения или самопредставления.

Заключение

Теория трех лиц личных имен позволяет удобным образом сформулировать правила выбора варианта имени вместе с содержательной интерпретацией.

В статье отмечается, что именно второе лицо может считаться сильной позицией, в которой возможен максимальный набор вариантов. Для первого и третьего лица существуют определенные ограничения, в них, например, не рекомендуется использовать ласкательные и другие эмоциональные варианты имен: *Андрюшечка*, *Верунчик* и т. п. Если же такие варианты все же встречаются в первом и третьем лице, это вызывает определенный прагматический эффект и определяется особыми коммуникативными стратегиями.

Выделенность второго лица объясняется тем, что обращение является коммуникативной точкой, в которой устанавливаются отношения между собеседниками: говорящий их предлагает, а адресат может корректировать.

Литература

- Бондалетов В. Д., Данилина К. Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. Под ред. В. А. Никонова и А. В. Суперанской. М.: Наука, 1970. С. 194–200.
- Вежицкая А. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз; вступ. статья Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 411 с.
- Википедия: свободная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Есперсен>
- О. Философия грамматики. М.: Издательство иностранной литературы, 1958. 404 с.
- Кларк Г. Г., Карлсон Т. Б. Слушающие и речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 270–321.
- Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М.: Наука, 1987. С. 118–135.
- Кронгауз М. А., Пиперски А. Ч., Тиллабаева А. А. Употребление полных и кратких форм русских личных имен: количественные методы исследования // Слово.ру: балтийский акцент. 2020. Т. 11, № 4. С. 80–90.
- Кругосвет: универсальная научно-популярная энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.krugosvet.ru>
- Куно С., Кабураки Э. Эмпатия и синтаксис // Общественные науки за рубежом. РЖ. Сер. 6. Языкознание. М., 1979. № 2. С. 154–156.
- Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», Ин-т языкознания АН СССР; Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 682 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: Ок. 2600 имен / Н. А. Петровский. 3-е изд., стер. М.: Русский язык, 1984. 384 с.
- Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Академия наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. 783 с.

- Суперанская А. В. Структура имени собственного: фонология и морфология. М.: Наука, 1969. 207 с.
Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М.: АСТ, 1998. 521 с.
Суперанская А. В. Неофициальные формы русских личных имен // Русская речь. 2001. № 1. С. 84–88.
Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. 3-е изд., испр. и доп. Ленинград: Лениздат, 1991. 219 с.
Шмелев А. Д. Референциальные механизмы русского языка. Тампере, 1996.
Clark H. H., Carlson Th. B. Hearers and speech acts // Language, vol. 58, 1982, no. 2, pp. 332–371.
Kuno S. Subject, theme, and the speaker's empathy // Subject and topic / C. N. Li (ed.). N. Y., Acad. Press, 1976, pp. 417–444.

References

- Bondaletov V. D., Danilina K. F. [Means of expressing emotional and expressive shades in Russian personal names]. *Antroponimika* [Anthroponymy]. Ed. V. A. Nikonov and A. V. Superanskaya. Moscow, Nauka Publ., 1970, pp. 194–200. (In Russ.)
Clark H. H., Carlson Th. B. Hearers and speech acts. *Language*, vol. 58, 1982, no. 2, pp. 332–371.
Jespersen O. *Filosofija grammatiki* [The philosophy of grammar]. Moscow, Izdatel'stvo Inostrannoj Literaturny Publ., 1958. 404 p.
Krongauz M. A. ["Embodied" and "unembodied" proper name: some aspects of reference]. *Experimental'nye metody v psikholingvistike* [Experimental methods in psycholinguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1987, pp. 118–135. (In Russ.)
Krongauz M. A., Piperski A. Ch., Tillabaeva A. A. [Full and short personal names in Russian: a quantitative study]. *Slovo.ru: baltiiskii akcent*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 80–90. (In Russ.)
Krugosvet: The Universal Popular Science Encyclopedia. Available at: <https://www.krugosvet.ru>
Kuno S. *Subject, theme, and the speaker's empathy. Subject and topic* / C. N. Li (ed.). N. Y., Acad. Press, 1976, pp. 417–444.
Kuno S., Kaburaki E. [Empathy and syntax]. *Obshchestvennye nauki za rubezhom*. RZh. Ser. 6. Linguistics. Moscow, 1979, no. 2, pp. 154–156. (In Russ.)
Linguistic encyclopedic dictionary / Scientific-ed. Council of the publishing house "Sovetskaja enciklopedija", Institute of Linguistics, Academy of Sciences of the USSR; Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Sovetskaja Enciclopediya Publ., 1990. 682 p.
National Corpus of the Russian Language. 2003–2023. Available at: <https://ruscorpora.ru>
Petrovsky N. A. *Dictionary of Russian personal names*. 3rd ed. Moscow, Russkii Yazyk, 1984. 384 p.
Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. Stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Academy of Sciences of the USSR, Institute of Russian Language. Ed. N. Yu. Shvedova. Moscow, Nauka Publ., 1980. 783 p.
Shmelev A. D. *Referentsial'nye mekhanizmy russkogo yazyka* [Referential mechanisms of the Russian language]. Tampere, 1996.
Superanskaya A. V. *Struktura imeni sobstvennogo: fonologiya i morfologiya* [The structure of a proper name: phonology and morphology]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 207 p.
Superanskaya A. V. *Slovar' russkikh lichnykh imen* [Dictionary of Russian personal names]. Moscow, AST Publ., 1998. 521 p.
Superanskaya A. V. [Informal forms of Russian personal names]. *Russkaya Rech'*, 2001, no. 1, pp. 84–88. (In Russ.)
Suslova A. V., Superanskaya A. V. *O russkikh imenakh. 3 izd.* [About Russian names. 3rd ed.]. Leningrad, Lenizdat, 1991. 219 p.
Vezhbitskaya A. *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Ed. and comp. M. A. Krongauz; intro. article by E. V. Paducheva. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1996. 411 p.
Wikipedia: The Free Encyclopedia. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki>